

Я видел лучшие умы своего поколения,уничтоженные безумием…— Аллен Гинсберг. Вопль.

Накопив огромные материальные блага в годы вто рой мировой войны, обладая монополией на атомную бомбу, Соединённые Штаты Америки вступили во вторую половину нынешнего века преисполненными чувством гордости, самоуверенности и непогрешимости. Американский журналист Филипп Капуто вспоминал: «В те годы Америка казалась всемогущей: страна все ещё могла уверять, что ни разу не проигрывала войны, и мы верили в то, что нам предназначено распространить по всему свету нашу политическую веру. Мы видели в себе борцов «за дело, которому суждено восторжествовать»».

Президент Трумэн (1945-1953) выступал с претензиями на руководство со стороны Соединённых Штатов всем миром. «Бывшие друзья — Россия и Китай — были объявлены врагами, а бывшие враги — Германия и Япония — были объявлены друзьями», — писал критик и писатель Джон Клеллон Холмс. В связи с войной в Корее (1950-1953) американское правительство ввело в стране «чрезвычайное положение» и стало быстрыми темпами переводить экономику на военные рельсы. Так, в 1949-1954 гг. на военные цели было израсходовано 200 млрд. долларов, что в 8 раз превысило все расходы США за первую мировую войну. Особый упор делался на форсированное наращивание атомного оружия.

Таким образом, к середине века в Америке утвердилось так называемое mass soci ety
— массовое общество, которое характеризовалось высоким развитием техники и экономики при полной разобщённости индивидов. Самодовольная буржуазная Америка наслаждалась процветанием и гордилась тем, что дала миру автоматизацию и конвейеры, рекламу, небоскрёбы, бейсбол, кетчуп, гамбургеры и «хот доги», бесчисленное множество всевозможных технических новинок. Материальное изобилие порождало духовную пустоту и ... «молчаливое поколение молодежи». Основываясь на анализе идеалов и настроений молодежи 80-х гг., американский исследователь К. Кенистон утверждал, что «здоровым» американцам в отличие от недовольных, отчуждённых присущ «оптимистический идеализм». Вселенная для них имеет свой порядок, структуру и цель. Взаимопонимание между людьми и социальными группами, по их мнению, вполне достижимо. Они доброжелательны и верят в себя, разумны, дисциплинированны. Цель их жизни в преуспеянии. Таков был облик основного отряда «молчаливого поколения».

Укреплению буржуазного самодовольства «стопроцентного среднего американца» также содействовала атмосфера маккартистской «охоты на ведьм». 9 февраля 1950 года в Уилингсе, шт. Западная Вирджиния, сенатор Дж. Маккарти в своей первой погромной речи заявил, что в госдепартаменте США работает несколько сот членов коммунистической партии. Главными жертвами Маккарти неизбежно стали мыслящие люди левых взглядов. Среди его ближайших сторонников было много военных, а массовую поддержку он получал в основном от таких же недовольных элементов: среднего класса, какие в своё время явились наиболее фанатичными сторонниками Гитлера в Германии. В феврале 1953 года были осуждены на разные сроки тюремного заключения 13 деятелей американской коммунистической партии; в августе 1954 г. вступил в силу закон о контроле над коммунистической деятельностью, 250 организаций левой ориентации были занесены в списки «подрывных».

«То были годы чёрных списков, когда людей, связанных с искусством и развлечениями — писателей, режиссёров, актёров,— допрашивали об их политических убеждениях и связях, и в том случае, если эти симпатии хоть в малейшей степени принадлежали коммунизму, преследуемых выгоняли с работы, а если они были к тому же обвинены в неуважении к Конгрессу, то их сажали в тюрьму», — писала «Нью-Йорк Тайме» от 8 июля 1973 г.

Маккартизм, начало «холодной войны» и т.д. обусловили вполне определенные тенденции развития ли-тературы того периода. Её отличали откровенный кон-формизм, слепота и предвзятость в социальном отношении, крайне узкие горизонты, восхваление «американского образа жизни». На щит были подняты произведения таких авторов, как Слоун Уилсон, Герман Вук, Камерон Холи, с их слепым преклонением перед авторитетом доллара.

Битничество явилось закономерным следствием маккартистского насилия над свободой духовной жизни, неизбежным бунтом против стремлений, говоря словами поэта-битника Аллена Гинсберга, «навязать всем и каждому примитивное мышление и противоес-тественную психологию».

Поколение, воспитывавшееся на идеалах вульгар-ного практицизма и с детства приучавшееся к всевозможным нравственным табу, ответило на этот усиленный нажим неприятием какой бы то ни было готовой идеологии и этики. Кроме того, молодым людям, подрастающим в условиях материального достатка, была непонятна, претила бесконечная, монотонная погоня за деньгами — основа существования их родителей. Американский публицист Майкл Ньюберри в 1959 г. так охарактеризовал зарождение битничества: «Произошло это так. Холодная война заморозила всю кровь интеллигентам. С их ресниц повисли сосульки. Критики и писатели академического толка были единственными, кто создавал книги, заслуживающие внимания. Во всяком случае, так они нас заверяли. На этом беспросветном, упадочном, мертвенном фоне вдруг возникла группа бродяжничающих, лёгких на язык, склонных к святотатству бородатых молодых людей, одетых точь-в- точь, как босяки, которых изображал Чарли Чаплин... Они пользовались языком, который я не решаюсь здесь воспроизвести... Они отправились на холмы Сан-Фран-циско и в Гринвич-виллидж, чтобы дать бой «филистимлянам» оружием поэзии».

Явились «разбитые», которые рассматривали себя как отверженных, как изгоев общества, поклоняющегося враждебной им культуре, как чудаковатых провозвестников нового отношения к нормам благоразумия и этики, как непризнанных художников, работающих для себя и не ищущих славы. Они бросали вызов обществу благонамеренных граждан, жили, презирая его каноны, его мораль. Они ездили по дорогам Америки, часто на чужих машинах, напивались в барах, устраивали оргии и если были поначалу чем-то знамениты, то только дебошами.

Протест битников проявился прежде всего в форме бунта против традиционной лицемерной морали. Но в основе движения лежали их нежелание участвовать в системе обмана, погони за деньгами, за социальным престижем, отказ быть послушным рабом общества, пронизан-ного потребительской идеологией. Битничество было реакцией на стандартизацию и бюрократизацию капиталистического общества, стремлением молодого человека сохранить свою индивидуальность. Отчуждённость, одиночество, скука, неизвестность, что будет завтра, — вот психологические основы глубокого отчаяния и бунта «разбитого поколения». Битничество было индивидуалистической анархистской реакцией, бунтом против государства как тоталитарной системы,

подавляющей личность, и против конформистского по отношению к этому государству общества. Американский поэт и критик Кеннет Рексрот писал о битниках: «В политике они убежденные атеисты, не верящие ни в государство, ни в войну, ни в ценности цивилизации бизнеса. Большинство из них только потому не называют себя анархистами, что это означало бы примкнуть к какому-либо «движению». Для них подозрительно всё, что хоть каким-либо образом напоминает определённую идеологию». По словам К. Менерта, западногерманского исследователя молодёжных движений, официальные круги рассматривали битников как врагов американского общества. Он писал: «Если вспомнить огромный размах, с которым Америка в послевоен-ные годы пропагандировала во всём мире американский образ жизни, часто слишком слащаво и навязчиво, вызывая неприязнь, то можно себе представить, что за границей битники вызвали сперва недоумение, а затем чувство облегчения — они явно ни во что не ставили «американскую мечту», высмеивали её и плевали на усердие и материальный успех. Они создали антимиф: приверженность к гигиене у них превратилась в пристрастие к грязи, идеал неутомимо работающего человека — в восхваление лени, пуританская этика — в осмеяние всех ценностей...».

Этот «антимиф» возбудил довольно широкий международный резонанс. В Англии — это были «сердитые молодые люди» — Бренан Бихэн, Кингсли Эмис, Джон Уэйн, Арнольд Уэскер, Колин Уилсон, Гарольд Пинтер, Брейн, Осборн, Стайн (литературное свидетельство — широко известная пьеса Джона Осборна «Оглянись во гневе»), во Франции — Франсуаза Саган, Роб-Грийе, в Западной Германии — Рольф Беккер и Зигфрид Ленц, «злые» молодые писатели Испании (Гойтисоло, Кирога и др.), «пятидесятники» в Чили...

Сам термин beat generation — «разбитое поколение» был придуман «крёстным отцом» этого движения Джеком Керуаком. В интервью английскому журналу «Энкаунтер» он отмечал: «Слово beat означало на первых порах бедного, опустившегося и выброшенного на улицу человека, насмерть пришибленного, шляющегося без дела, ночующего в метро. Теперь, когда это слово стало официальным, оно расширилось в своем значении и стало охватывать людей, которые не ночуют в метро, но характеризуются известными нравами или взглядами». Позднее, объясняя смысл, вкладываемый им в слово
beat
, Керуак отмечал, что как сокращение от beatitude это слово выражает духовное приобщение к бесконечной любви, блаженству. Эта многозначность и противоречивость была характерна в целом для всего движения битников.

Но обратимся к истокам этого движения. Формально (если вообще можно говорить о чём-либо формальном применительно к такому принципиально аморфному явлению, как битничество) рождение движения приурочивают к 1955 году, когда в издательстве «Сити Лайтс» (основанном в 1953 г. в Сан-Франциско Лоренсом Ферлингетти) были выпущены книги — «Картины ушедшего мира» самого Ферлингетти и поэма «Вопль»

Аллена Гинсберга. Именно они стали манифестом «бит-дженерейшн», бросившего открытый вызов идеалам «молчаливого большинства». В том же году в журнале «Нью Уорлд Ревю» появился фрагмент из романа Джека Керуака «На дороге», а вслед за ним вышла статья Малкольма Каули, в которой был раздел о писателях, восставших против норм общественной жизни. Потом «На дороге», наиболее полно воплотивший дух и философию протеста битников, вышел отдельной книгой, и 1957 год стал годом славы «разбитого поколения».

Но необходимо отметить, что одним из первых, кто дерзнул обвинить современную ему Америку в самодовольстве, лицемерии и душевной чёрствости, был Джером Д. Сэлинджер, которого многие литературоведы справедливо признают родоначальником движении битников. (В отечественном литературоведении одним из первых усмотрел связь литературы бит-поколения с творчеством Сэлинджера М. Мендельсон.)

В 1951 г. вышла в свет книга Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Это был роман-монолог, устная исповедь шестнадцатилетнего Холдена Колфилда, рассказывающая о кратком, но трудном периоде своей жизни. Главное обвинение, которое сэлинджеровский герой бросает окружающему миру, это обвинение в фальши, в сознательном, а потому особенно отвратительном притворстве, в «показухе». Бунт и протест Холдена — это стихийный, анархический бунт и протест индивидуальности. Уже с конца 50-х гг., с лёгкой руки битников, невротическая «колфилдовская» интонация романа нашла сотни тысяч, если не миллионы, последователей, составивших разношерстный фон движения «новых левых». Лоренс Липтон в своей книге «Святые варвары» писал: «У любого битника можно найти книгу «Над пропастью во ржи». Битник видит в Холдене Колфилде родного брата. Они не только говорят на одном языке, они часто говорят одни и те же вещи». Вспомним ещё, что американские бунтари 60-х гг. чтили в Колфилде одного из своих далёких провозвестников.

Однако консолидация собственно битничества началась ещё раньше. Так, например, личная встреча Гинсберга и Керуака, переросшая в тесный союз, произошла еще в 1945 г. Это был прекрасный пример принципиальной незначимости политических взглядов по сравнению с тем духом протеста и вызова конформизму, который идейно обосновывал движение: если Гинсберг, мать которого была коммунисткой, относил себя к «левым», как и большинство поэтов-битников, то Керуака скорее можно было назвать «правым». Первая встреча поэта Грегори Корсо и Гинсберга состоялась «однажды ночью 1950 года» в нью-йоркском Гринвич-виллидж. Корсо, детство которого прошло в приютах, отрочество — в исправительных колониях, а юность — в тюрьмах, вспоминал об этой встрече так: «Аллен был первым человеком, который отнёсся ко мне с нежностью и добротой. Он первым открыл мне глаза на социальную безнравственность законов, чеканящихся в Вашингтоне, первым приоткрыл для меня книгу современной поэзии...» В том же 1950 г. Джек Керуак опубликовал свой первый роман «Городок и город». Гинсберг, Керуак и Корсо стали теми тремя китами, на которых в течение целого

десятилетия опиралось движение битников, — их литература, философия и образ жизни.

В 1952 г. были опубликованы роман Джона К. Холмса «Валяй» и его статья, где объяснялось значение термина «битник» в трактовке самих участников движения...

Литературу битников можно назвать первым неоавангардистским бунтом в послевоенном американском искусстве. В их стихах и прозе речь шла о хаосе повседневного существования, о механизации в «массовом обществе» не только быта, но и сознания, чувств, о бездуховности, о засилье стандартов, убожестве идеалов и лицемерии официально провозглашенных принципов. Книги поэтов-битников были отмечены не только несомненным талантом, свежестью образов и языка, но и необычностью самого угла зрения, под которым они воспринимали действительность. Их не устраивали эстетические устремления, возобладавшие в американском искусстве маккартистских времен. Они не приняли холодного объективизма, бесстрастного фиксирования природы и психологических процессов — тенденций, господствовавших в тогдашней поэзии США, находившейся под безраздельным влиянием Томаса С. Элиота и Эзры Паунда. Битники отвергли опыт старшего поколения модернистов, отказались от «учёности», герметичности, сухого формализма, столь свойственных их предшественникам.

У битников, а позднее и у хиппи острым стало желание наверстать потерянное и пойти на выучку к тем, кого так высокомерно некогда попирал «цивилизованный» белый мир. «...Я думаю, — писал Гэри Снайдер, — что индейцы могут приобщить нас к этой «другой культуре» ...Если бы мы обратились к ним раньше, они могли бы научить нас раньше. У нас была такая возможность поучиться у них — ибо, конечно, индеец был более цивилизован, чем белый человек, когда он пришёл сюда». В связи с этим необходимо напомнить, что достаточно благожелательное отношение к своим чёрным согражданам среди части белой американской молодежи (в годы активизации движения за гражданские права чёрных американцев) было подготовлено именно литературой «разбитого поколения». «Я хотел бы быть негром, — говорит Сол Парадайз из романа Дж. Керуака «На дороге» в эпизоде, где он попадает в Денвере в цветной квартал и болезненно остро переживает чувство своей непричастности к разворачивающемуся перед ним миру, — ибо ощутил, что в том, что может предложить мир белых, мало экстаза, недостаточно жизни, радости, печали, музыки, темноты, ночи... Я хотел бы быть денверским мексиканцем... чем угодно, только не тем, чем я был, — жалким разочарованным белым человеком!»

Ведя разговор о битниках, нельзя не упомянуть в контексте изложенного выше о хипстерском мироотношении, которое вызрело в их среде с её призывом отбросить

сковывающие человека условности и жить в соответствии с естественными наклонностями, сколь бы низменными и аморальными, с обычной точки зрения, они не казались. Первым основательно изложил концепцию хипстеризма Норман Мейлер в своём нашумевшем эссе «Белый негр» (1957). Говоря об американской действительности послевоенных лет, Мейлер указывает на конформизм, страх американцев перед своим правительством в эпоху маккартизма, страх, который, по его словам, проник во все поры американского общества. Белый негр, маргинал, хипстер (от глагола to hip — «повергать в уныние»; hi
pster
— тот, кто по-вергнут в уныние, подавлен морально; слово пришло из негритянского жаргона) восстаёт против конформизма и страха. «Или ты хипстер, или ты обыватель. Или ты бунтуешь, или ты подчиняешься».

Быть хипстером — значит полностью уйти от общественной жизни, значит расценивать всё в мире только как относительное, не признавая каких бы то ни было абсолютных истин. Хипстер близок к люмпену, но отличается от него более развитым интеллектом. Из-за своей болезненной изолированности от общества он напоминает психопата.

По мнению Мейлера, хипстер гораздо более радикален, чем битник, поэтому именно в хипстере он видит революционера. Для Мейлера хипстеризм — это попытка возврата к индивидууму в его, так сказать, чистом первозданном виде, незамутненном цивилизацией, не отягощённом лицемерной моралью западного общества. В условиях подавления индивидуальности Мейлер видел в индивидуализме единственную возможность вернуть человеку человеческое начало и более того — героическое начало, как к проявлению самой радикальной революции — революции духа.

Позднее Мейлер уточнил свою трактовку понятий «битник» и «хипстер» в статье «Хипстер и битник», которую он назвал также «Приложением к «Белому негру». Мейлер указывает, что битник — это часто радикальный пацифист, в то время как хипстер не чуждается насилия, он свой человек в преступном мире. Битник альтруистичен, хипстер эгоистичен. Битника волнуют вопросы свободы и равенства, хипстер к ним равнодушен. Однако автор справедливо признаёт, что чистых битников и хипстеров не существует, что большинство их можно было бы назвать «хипниками» или «битстерами» (т.е. большинство из них представляли собой промежуточный тип).

Интерес «разбитого поколения» к восточным религиозно-философским учениям также заслуживает отдельного упоминания. Битники воспринимали Восток как символ спасительного духовного начала, следование которому, по их представлениям, может помочь человеку вырваться из заколдованного круга «работа — производство —

потребление — работа — производство — потребление». Подхватывая этические постулаты буддизма и доктрины дзэн, битники призывали устремиться к всеобъемлющей любви, к простому «первозданному» братству людей, сбросивших с себя мелочные заботы о материальном и ищущих душевной цельности и покоя в общении с природой. Здесь интересно отметить, что Джек Керуак основательно изучал древние буддистские тексты, написал биографию Будды, которая, кажется, всё ещё нигде не опубликована, и в своё время считал себя приверженцем махаяны. А Аллен Гинсберг стал одним из популяризаторов движения Харе Кришна. Известный поэт-битник был постоянным участником вечерних киртанов, которые проводил Свами Прабхупада в храме рядом с парком Томпкинса в Нью-Йорке в 1966 г.

Нужно сказать, что А. Гинсберг и многие другие битники теснейшим образом были связаны с молодёжным движением, набравшим силу в 60-е гг. Так, например, он, Нил Кэсседи и другие представители творческой интеллигенции из поколения «разбитых» принимали большое участие в подготовке и проведении грандиозного, в некотором смысле как бы «учредительного» хиппи-карнавала в Сан-Франциско в 1967 г. В конце того же года Л. Ферлингетти вместе с Денизой Левертов были арестованы в Окленде у дверей призывного пункта во время демонстрации против войны во Вьетнаме. Летом 1969 г. Гинсберг был в первых рядах демонстрантов в Чикаго. И таких примеров социальной и гражданской активности можно привести ещё много.

Характерной особенностью «разбитого поколения» был культ джаза (а именно стиля «би-боп», который Дж.К. Холмс назвал музыкой внутренней свободы, импровизации, творческой индивидуальности), предвосхитивший позднейший культ рока. Джаз здесь означал не только и не столько музыку, сколько особый стиль жизни, отмеченный, по словам историка бит-поколения Брюса Кука, «обертонами внезаконности, секса, наркотиков, насилия...» В сущности, битническая мания джаза удивительно напоминала ту первую её волну, которая прокатилась по Соединённым Штатам, а затем и Европе в 20-е гг. и была теснейшим образом связана с настроениями «потерянного поколения». Эти настроения хорошо известны, в частности, по творчеству Хемингуэя, а специфический климат «века джаза» прекрасно воспроизведен в одноименном эссе Скотта Фитцджеральда. «Когда говорят о джазе, — писал Фитцджеральд, — имеют в виду состояние нервной взвинченности, примерно такое, какое воцаряется в больших городах при приближении к ним линии фронта».

«Разбитое поколение» во многом сходно с «потерянным». Подобно тому, как «потерянное поколение» вышло из шинели солдата первой мировой войны, поколение битников вышло из льдов «холодной войны». Их сближают те же ощущения краха, провала, утраты всех ценностей, то же отчуждение от насаждаемого «американского образа жизни», презрение к личному преуспеянию ради преуспеяния. Поиски выхода, а

чаще просто забвения, бросавшие «потерянного» героя в дымные парижские кафе или на корриду, привели битников к увлечению восточным мистицизмом, к экспериментам с марихуаной, бродяжничеству, к культу автомобильных гонок и т.д.

Но есть и существенные различия. В отличие от «потерянных» битники были острыми на язык и задиристыми. Пожалуй, нельзя назвать совпадением, случайностью тот факт, что у «потерянных» тон задавали прозаики, а у «бит-дженерейшн» — поэты. Первые впадали в рефлексию, вторые агитировали. Первые уже махнули рукой на жизнь, вторые замахивались кулаками, не желая сдаваться...

К 1960 году в движении битников наметился спад, оно качественно изменилось. Привлечённые модой, в него вливались новые люди, для которых битничество стало позой, возможностью выделиться. Богема не обязывала их ни к чему серьёзному, зато давала лестное сознание своей собственной исключительности. Постепенно битничество сошло на нет, подготовив благодатную почву для ещё более аморфного, принципиально неорганизованного и ещё гораздо более обширного движения хиппи.

Абсолютно новым по сравнению с битниками было стремление хиппи жить коммунами с полной общностью имущества и всего жизненного уклада. Догмат общинножития позже стал одним из центральных в контркультуре, и с ним оказались связанными почти все попытки предложить разного рода альтернативные формы социального устройства. Хиппи в одном их своих манифестов сами подчеркнули это, назвав себя «сообществом», чего никогда не делали битники, протест которых оставался чисто индивидуалистическим. В 1969 году в беседе с Брюсом Куком после рок-фестиваля в Вудстоке Аллен Гинсберг заметил: «Нынешнее поколение обладает даром космической перцепции. Они ощущают себя членами гигантского тела... и поэтому действительно есть большая разница между ними и предыдущим поколением, которое было склонно думать о самих себе как об индивидуальностях.»

Таким образом, своими выступлениями и произведениями битники в какой-то степени подготовили антиконформистское движение американской молодежи 60-х гг. Они сумели открыть для литературы США то новое социальное содержание, которое будет осмысляться ещё долго после того, как само битничество сошло со сцены. Битники дали толчок новым исканиям, направляемым мыслью о гражданственности и социальной аналитичности поэтического искусства. Эти тенденции были развиты и закреплены Луисом Симпсоном, Робертом Данкеном, Сильвией Плат, Джеймсом Дикки, Робертом Лоуэллом и Денизой Левертов. Всех их роднит одно и то же чувство, по-разному выраженное, но неизменно стойкое,— тревоги за человека, исчезающего как личность в

половодье мещанских стандартов.

(по изданию: журнал «Соты» (Киев), 1998, №1, 76-86)